

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ВЛЮБЛЕННЫЙ ЗЛОДЕЙ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.
С91 Влюбленный злодей / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Записки придворного сыщика).

ISBN 978-5-04-243677-2

Следователь по особо важным делам Иван Федорович Воловцов направляется в Нижний Новгород для расследования преступлений отставного поручика Скарабеева. Тот обвиняется в покушении на жизнь Юлии Борковской, дочери директора кадетского корпуса. Не добившись ответных чувств настойчивыми письмами наглец в одну из ночей вероломно проник в ее комнату и нанес девушке множественные ранения ножом. Улики, показания свидетелей и самой потерпевшей — все говорит против Скарабеева. Поручик уволен со службы и взят под стражу.

Однако представленные материалы дела кажутся Воловцову слишком... театральными. Он уверен, что у этой «драмы» есть и другой финал, в котором на роль злодея претендует куда более тонкий и изощренный исполнитель...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243677-2

© Сухов Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

• 1 •

ДЕЛО УПЫРЯ

— Не обессудьте, но это дело всенепременнейше ваше, господин Воловцов, и даже не спорьте! А потом, вам не привыкать вызволять напрасно обвиняемых, так сказать, из-под надвигающихся жерновов правосудия. Верно, Иван Федорович? — бодро поинтересовался Владимир Александрович.

При последних словах следовало верноподданнически вытянуться, лицу надлежало приобрести должную суровость. Что было немедленно осуществлено.

— Точно так, ваше превосходительство!

— А значит, в связи с этим делом вам надлежит немедленно отправляться в Нижний Новгород!

Эк высказался его превосходительство! С вывертом... Ничего не скажешь — мастер русской словесности! Даже не преминул улыбнуться ободряюще. Вот когда ему нужно, то «наш генерал» (именно так, с некоторой ехидцей называли за глаза окружного прокурора Судебной палаты действительного статского советника Владимира Александровича Завадского) мог быть добрым дядюшкой, который ежели и бывает суров, так на то всегда имеются веские основания. И первое из них — он должен видеть у своих подчиненных рвение в служении на благо Отечества.

Да и у кого из подчиненных хватит дерзости спорить с самим окружным прокурором? Так что просьба Завадского быть к его словам лояльным не что иное, как некоторая игра в демократию, которая, надо полагать, весьма забавляла его превосходительство. А вот то, что делом бывшего репетитора тактики Нижегородского кадетского корпуса отставного поручика Скарабеева придется заниматься именно мне, это уже безо всяких шуток.

Я тотчас почувствовал на своих плечах бремя порученного мне дела. Отнесся философ-

ски — никуда не денешься, нужно работать. Несколько дней назад мною было завершено дело маньяка, которому в ходе расследования было дано прозвище Упырь. Все собранные материалы в силу служебной необходимости были переданы военному следователю Московского Военно-окружного суда.

Отдохнул несколько дней и вновь грудью на редуты!

Значит, в ближайшие часы предстояло покинуть Москву и ехать в дальнюю дорогу. На сей раз в Нижний Новгород...

* * *

Дело Упыря мне было поручено вести тотчас же по возвращении в Москву из Рязани, где я вел следствие по весьма запутанному делу о двойном убийстве генеральши Безобразовой и ее служанки. А Упырем с легкой руки пристава Пятницкой полицейской части окрестили некоего человека (если уместно так сказать), принявшегося осквернять могилы нескольких кладбищ. Хотя слово «осквернять», пожалуй, будет слишком мягким для такого изувера.

Все началось еще во время моего пребывания в Рязани. В середине ноября, а точнее, четырнадцатого числа, обер-кондуктор Московско-Казанской железной дороги Поликарп Семенович Измайлов схоронил на общегородском Лазаревском кладбище в Марьиной Роще свою дочь Манефу, тринадцати годов от роду. Не стану вдаваться в подробности болезни несчастного дитяти и рассказывать о причинах, повлекших столь раннюю смерть, скажу только, что дочка обер-кондуктора была похоронена недалеко от матери знаменитого российского романиста Федора Михайловича Достоевского.

На следующее утро сторож кладбища, совершая свой обычный обход, обнаружил, что одна из свежих могил раскопана, гроб расколотен, а тело из него на три четверти лежало снаружи. Сторож немедленно поспешил к смотрителю кладбища и доложил ему о вандализме.

Смотритель первым делом вызвал к себе могильщиков, но те клятвенно заверили своего начальника, что захоронение они провели по всем канонам: дали отцу и пришедшим на похороны родственникам проститься с покойной, затем заколотили гроб, опустили его в могилу на три

аршина и засыпали землей. После чего, как водится, соорудили аккуратный могильный холмик, поставили православный крест и, получив от родственников покойной на водку, удалились. При необходимости их слова могут подтвердить все присутствующие, что были на похоронах.

Смотрителю ничего не оставалось, как отправиться к разрытой могиле в сопровождении сторожа и могильщиков, чтобы лично убедиться в правдивости слов кладбищенского сторожа.

Зрелище было омерзительным и очень ужасным, на могиле побывал настоящий кощун. Крест был сбит в сторону, могила разрыта, гроб разломан (явно орудовали топором), обнаженная девочка почти лежала на земле — богатое платье, в котором ее проводили в последний путь, было украдено.

Но это еще не все...

Тело покойной Манефы Измайловой было словно искусано (на детском тельце как будто бы оставались следы от зубов), а живот был вспорот сверху и до самого низу, в результате чего часть внутренностей вывалилась наружу.

Кладбищенский смотритель, потрясенный увиденным, потопал в ближайший поли-

цейский участок и сообщил о происшествии околоточному надзирателю. Тот с двумя нижними чинами прибыл на кладбище, произвел досмотр места преступления и по обнаруженным хорошо видимым следам, ведущим от могилы (погода в день похорон была слякотная, а под утро случились заморозки), дошел до забора, которым было огорожено кладбище. В том месте, где через него перелез преступник, забор был дощатым, и на перекладине, соединяющей вертикально стоящие доски, были заметны следы, оставленные грязной обувью.

Поскольку следы были явственно заметны, околоточный надзиратель сделал вывод, что человек, совершивший злодеяние, приходил либо поздно вечером, либо ночью, иначе бы он предпринял какие-то действия для их сокрытия. И еще наблюдательный и весьма толковый полицейский приметил, что обувь у преступника была с металлической подковкой на низком каблуке.

Начавшееся расследование, несмотря на все предпринятые усилия, не дало никаких результатов.

Девятнадцатого ноября подобный случай произошел уже на Пятницком кладбище, к которому аккуратно ведет Кладбищенский переулок. Злодей разрыл аж две могилы: девочки двенадцати лет по имени Александра Каблукова и Зинаиды Крашенинниковой, купеческой жены сорока двух лет от роду.

Могила девочки была свежей и находилась в десяти саженях от высоченной стелы из итальянского черного мрамора, под которой, как гласила надпись у ее основания, была *«погребена голова инженера путей сообщения Бориса Алексеевича Верховского, казненного китайцами-боксерами в Маньчжурии в городе Лао-Янь в июле 1900 года»*.

Как и в случае на Лазаревском кладбище с Манефой Измайловой, на Александре Каблуковой отсутствовало платье, а живот, как гласило врачебное заключение, *«был вскрыт продольным разрезом, открывающим часть внутренних органов»*. Кроме того, ноги выше колена, живот и бок девочки были изжеваны, что подтвердило врачебное заключение.

Тело Зинаиды Крашенинниковой, захороненное более недели назад и уже начавшее ак-

тивно разлагаться, было вытащено через разбитую крышку гроба и проволочено на расстояние около двух с половиной саженей. Платье на покойнице было задрано, чулки приспущены. Рот Зинаиды Крашенинниковой был разрезан до ушей. Через область желудка и живота проходил продольный разрез, часть внутренних органов женщины вывалилась, а часть, включая вырванную печень покойной, была разбросана.

Возле обоих трупов были обнаружены одинаковые следы обуви, с большой долей вероятности принадлежащие вурдалаку, сотворившему все эти бесчинства. Следы указывали на наличие низкого каблука и металлической подковки на пятке.

На место преступления приставом, успешным провести предварительное расследование, был вызван специальный агент с собакой-ищейкой по кличке Герда (и агент, и собака были позаимствованы в Московском сыском отделении, у его начальника, коллежского советника Лебедева), обнаружившей место, где преступник перелез через кладбищенский забор. За забором следы таинственным образом терялись.

Дальнейшее расследование зашло в тупик.

Двадцать третьего ноября было совершено очередное преступление. Опять на Лазаревском кладбище. Недалеко от могилы жены литературного критика Белинского была вскрыта могила актрисы Московского Художественного театра Виолетты Орловской, захороненной двадцать второго числа. Почерк преступления был прежний: крышка гроба разбита и расщеплена, тело вынуто, платье на трупе отсутствовало, чулки приспущены до колен, на распоротом животе, боку и ляжках покойной виднелись следы укусов и жевания, внутренности частично разбросаны. Следы, оставленные преступником, вновь, как и в случае с Манефой Измайловой, уводили к дощатой части забора на северной стороне кладбища.

Сомнений не оставалось: оскверненные могилы на Лазаревском и Пятницком кладбищах — дело рук одного и того же преступника с ярко выраженными маниакальными наклонностями. Все эпизоды с разрытыми могилами было решено объединить в одно делопроизводство, а следствие по нему было поручено вести мне, как только я вернулся из Рязани. Там мною

было раскрыто двойное убийство с ограблением, в котором обвинялся полковник Тальский. Мне удалось доказать его невиновность.

Непосредственный мой начальник, председатель департамента уголовных дел Судебной палаты Геннадий Никифорович Радченко, официально поручая мне дело Упыря, произнес:

— С предыдущим делом ты справился блестяще! Практически спас этого Тальского от каторги. Теперь настала очередь спасти все наше общество от выродка-маньяка. Полномочия у тебя, как у судебного следователя по особо важным делам, — самые широкие. Так что — действуй...

Действовать я начал тотчас по принятии дела Упыря в свое производство. Посетил оба кладбища, на которых были разрыты и осквернены могилы усопших, опросил тамошних сторожей и могильщиков. Именно они сообщили мне одну немаловажную деталь: в похоронных процессиях среди родственников и знакомых покойных могильщики заметили некоего унтер-офицера, держащегося особняком от остальных. А в случае с Александрой Каблуковой унтер и вовсе наблюдал за похоронами со стороны.

Подтверждением того, что Упырь — лицо военное, послужил новый случай осквернения могилы. Случилось это уже на Семеновском кладбище, выросшем из погоста села Семеновское, что в районе Соколиной Горы.

Около полуночи двадцать седьмого ноября сторожа кладбища разбудил лай собак. Гавкали они в эту ночь громче и злее обычного. Сторож вышел из будки, прислушался, но никакого постороннего шума не услышал и резонно решил совершить обход кладбища, как только развиднеется.

Поутру сторож отправился по территории кладбища. Наискосок от памятника генерал-лейтенанту Константину Васильевичу Сикстелю, начальнику артиллерии Московского военного округа, и близ захоронения начальницы Сиротского приюта Московского воспитательного дома Гликерии Алексеевны Цеймерн кладбищенский сторож обнаружил разрытое захоронение. Это была могила женщины по имени Аполлинария Суслицкая, учительницы французского языка, умершей сорока шести лет от роду и схороненной накануне.

О случившемся сторож сообщил смотрителю кладбища и в ближайший полицейский участок. Я узнал о новом преступлении Упыря чуть позже, однако прибыл на место вовремя: труп Аполлинарии Суслицкой лежал нетронутый, точнее, такой, каким его обнаружил кладбищенский сторож: вынутый из разбитого гроба, с задраным платьем, приспущенными до колен чулками и взрезанным животом. На бедрах и боках покойницы явственно просматривались укусы с повреждением кожи. Позже медик-эксперт определил их как человеческие.

Мужские следы, оставленные возле могилы, имели низкий каблук и металлическую набойку в виде подковки, что лишний раз подтверждало факт свершения данного преступления именно Упырем.

После допроса сторожа я стал опрашивать могильщиков. И когда задал вопрос, не видел ли кто из них поблизости вчера, когда хоронили учительницу Суслицкую, некоего унтер-офицера, один из могильщиков не очень твердо ответил:

— Был такой... Кажись, да, унтер. Младший.

— Точно младший? — задал я уточняющий вопрос.

— Точно, — поддакнул второй могильщик. — Я его хорошо разглядел. У него на алых погонах две лычки было. Стало быть — младший унтер-офицер. Он стоял возле памятника генералу Сикстелю и смотрел на похороны...

— Ну, если вы его хорошо разглядели, то опишите его, — предложил я второму могильщику.

— А что описывать-то? — спросил могильщик.

— Меня интересует, какого он роста, его возраст, какое у него лицо — овальное, круглое, вытянутое... Может быть, приметы какие есть особенные, скажем, хромота или что-то в этом роде, — пояснил я.

— Росту он среднего... Молодой, не старше двадцати пяти лет... — в задумчивости произнес могильщик. — Что еще... — Он немного помолчал, глядя в сторону. — Глаза у него голубые, — вспомнил могильщик. — И это... усики. Тонкие такие, ухоженные...

Больше могильщик ничего не вспомнил, но и этого было достаточно, чтобы составить словесное описание Упыря.

После происшествия на Семеновском кладбище, кроме внешности Упыря, мною было определено еще несколько его особенностей, которые могли помочь в расследовании.

Первая. Упырь раскапывал только женские могилы. Мужские захоронения, даже самые свежие, его не интересовали. Значит, помимо всего прочего, в его действиях присутствовал половой признак, что указывало на определенное душевное отклонение.

Второй особенностью было то, что Упырь совершает набеги на могилы по нечетным дням — через три на четвертый. Об этом свидетельствовали его посещения кладбищ: Лазаревского — пятнадцатого ноября; Пятницкого — девятнадцатого; снова Лазаревского кладбища — двадцать третьего и Семеновского — двадцать седьмого ноября.

Во всех случаях — это было третьей особенностью преступного почерка Упыря — он предварительно приходил на кладбища, выявлял свежие захоронения, часто присутствуя на самих похоронах. После чего, уже ночью, в районе одиннадцати-двенадцати часов, перелезал через забор, шел к уже известной ему мо-

гиле, раскапывал ее, совершал свои гнусности и уходил обратно тем же путем, каким пришел.

Еще одной отличительной особенностью, уже четвертой, было то, что Упырь орудовал лишь в той части города, в которую входили все три названных кладбища. Это могло означать одно: его воинское подразделение, где он служит младшим унтер-офицером, дислоцируется в этой же части города либо недалеко от нее. И это вполне могли быть казармы на Немецкой улице, где квартировал Троице-Сергиевский резервный батальон, нижние чины которого как раз носили алые погоны.

Пришлось нанести визит военному прокурору, поскольку военнослужащие с их противозаконными проступками находились в ведении Военно-окружного суда. Военный прокурор, первойшей обязанностью которого являлось наблюдение за ходом предварительного следствия, выделил, как он выразился, «в помощь вам, господин коллежский советник», своего военного следователя Ираклия Шотаевича Горгадзе.

— Человек он опытный, думаю, будет полезен в расследовании, — добавил военный про-

курор и принужденно улыбнулся: — Сами понимаете, военная прокуратура не может остаться в стороне.

Военный следователь Ираклий Горгадзе был равных со мною лет и производил впечатление человека бойкого, смышленного, исполнительного и весьма честолюбивого. На самом деле, как мне показалось, Горгадзе был приставлен ко мне не столько в помощь, сколько ради того, чтобы военный прокурор был в курсе проводимого следствия со всеми его версиями и уликами. И чтобы в нужный момент, когда не останется никаких сомнений, что Упырь и правда является военнотружашим, принять дело в свое производство, отодвинув меня в сторону. И с триумфом завершить громкое расследование, приписав все заслуги по поимке кладбищенского маньяка ведомству Военно-окружного суда и лично себе.

Неуемное стремление как можно быстрее арестовать Упыря и надеть на него кандалы привело военного следователя Горгадзе к задержанию младшего унтер-офицера Колободько, подпадающего под словесное описание злодея. Задержанию ошибочному, на которое

я не давал свое «добро», поскольку даже не догадывался о существовании подозреваемого.

Правда, кое-какие основания для ареста младшего унтер-офицера Колобородько у военного следователя все же имелись. Как стало известно, этот унтер-офицер, будучи в карауле, удалился тайком между одиннадцатым и двенадцатым часом ночи и возвратился с красным лицом и горящими глазами, а его одежда источала запах, весьма похожий на трупный.

Все эти обстоятельства были написаны в анонимном донесении на имя командира подразделения, в котором служил унтер-офицер Колобородько. Арестовав его, стали детально разбираться. И вскоре выяснилось, что в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое ноября и в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое ноября, когда были разрыты и осквернены могилы на Лазаревском кладбище, младший унтер-офицер Колобородько находился в карауле и отлучался на время по каким-то своим личным надобностям.

Военный следователь Горгадзе уже потирал руки в предвкушении своего триумфа: как же, утер нос самому судебному следователю по осо-

бо важным делам! Однако унтер Колобородько заявил, что к святотатству отношения не имеет и на обе отлучки у него имеется твердое alibi: в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое и в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое ноября Колобородько находился у своей любовницы Марфы, проживающей в доме по Кирпичному переулку. Его слова подтвердили на допросе означенная любовница и квартирная хозяйка Губицкая, которая была в курсе ночных визитов унтера Колобородько к ее квартирному съемщице, поскольку мучилась бессонницей и засыпала только под утро. А то, что от младшего унтер-офицера исходил трупный запах, так это потому, что Колобородько вместе с Марфушкой до и после любовных утех пили бражку, которая и придавала дыханию сладковато-приторный запах. С некоторой натяжкой его можно было принять за трупный...

Затею поймать преступника методом «на авось» (а иначе предпринятые военным следователем действия и не назовешь) Горгадзе пришлось оставить. Последующие два дня военный следователь меня старательно избегал. Выловить его удалось лишь у Военно-